

1996 №14

* * *

Ленивая тень, выползая из
мрака,
Слабеет и видится мутно.
На каменном дне голубая
каряка,
Лежит затонувшее судно.

Калёный кусок перламутровой глины,
Разбитое тело Боспора.
К шершавому донцу пустого кувшина
Приклеилась чёрная втора.

Воинственный ветер колыхается
душно,
Песок высыпая из шлема.
Двумя полосами по ровному сушню
Проехался древний лемеш.

На мягком покое льняных полотенец
Руками на длинной рубахе -
То белая мятна, то ясный сергеец,
То хладная кровь на губах.

* * *

рука его вцепилась в спинку стула,
вперёд сверкал слепительный
тоннель,
и взвинченная музыка свистела,
пугливая то лесенка то нуль,

мелькание усеянное стуком,
цвело и щебетало вдоль пути,
пискливое пронзительное эхо,
увязшее на тормозе хрустит,

кристал'луны в окне наводит глянец,
наверно он попался как дурак,
нечастый пассажир слюнявит палец,
черкая полосу дорожных лязг,

крест-накрест заведённые колени,
пыль вытер прислонившейся щекой,
какой какой лицом преломлен тени,
великий мой хороший золотой

* * *

Сардины насмешка кинжал во двор
Пируя ласкает обоих причуд
Сарая и церкви красив узор
Твои виноградники чудо.

На пастбище эрты бивак осёл
Сумятицы пленницы слёзы люблю
Обоиме аквиме в дом привёл
Косматых эфирных полюбил.

Ночами сквозило туман плащом
За мягкими листьями скрылся фасад
Алмаксея мрамор увит плющом
Стихами кудрявыми сада.

Мой ангел неслышно трубил в рожок
Перстнями играя светился я сам
От радости тонкий мешая шёлк
Ср. светлыми их волосами.

Тарзан против воли моей азарт
Четыре султана владели не так
Похитив рубины струя нарзан
Левкоям тюльпанам фиалкам.

* * *

Заслезилась глаза от жары и от
света,
- Ах, зачем эти люди, чего
они ждут? -

СВЕТЛАЯ
ЦИРКОВАЯ

И все жались друг к другу и видели это -
Наползающей мглы, пламенеющих уст -

Лихорадочных слов танцевальные вихри,
Оплывающий промельк кровавых свечей,
Бесполезных догадок и мыслей красивых,
Опьяняюще близкий кончине своей -

Анна-Жанна-Мария, поющие хором,
Другу юному руки сложили замком
- Ах как скоро, теперь уже скоро, так
скоро,
Ну скорее, скорее... и скоро... ис... кор...

Умирая, с уже затуманенным взором,
Заплетаюсь коснеющим языком.

КАЛЕНДАРЬ

Ахмед Ерикеев
осенние листья
с кем поведёшься
сам пропадай
делай, что хочешь
всё изменилось
муж Соловьёвой считает сентябрь.

Всё изменилось
кружат метели
легче не будет
теперь не твой час
маши рукавами
руками карманы
муж Соловьёвой считает январь.

Генрих Беляев
весною в деревню
всё изменилось
выбрал момент
строили стены
гнали машины
муж Соловьёвой считает апрель.

Давний приятель
рупь на пятёрку
солнце на зиму
ваша взяла
посылка в затылок
бутылка на складе
муж Соловьёвой считает июль.

Каша перловка
бараки-временки
муж Соловьёвой
теперь не твой час
радио лает
шапка не лезет
углы повалились
крыша горит.

* * *

В далёкий путь, Сардаевский тупик
Идёт состав - суставами скрипит,
Кипит ключом мускат Шахразада
Рубин Маград Барригда Агирдабб.

Гемангас-лан, Угорки, Аонилль,
Всё так глядят в окно, глотают пыль,
Грузинский чай, берут двойной зурзи
Зидан Надиз и Язатья-зади.

Умчат вперёд на Мачту, на Тачму,
Колоду карт раскладывать начнут.
Авар-кули, засохшая трава,
Хали-врата - китара - татарва.

Всё дальше гонит их волна песка,
Близка пустыня, белая тоска,
Волнует воздух дымку за окном,
Шлёт за окном она им кока-ном.

Скользит рука по мокрому столу.
Нацеля луч, как чайник в пиалу,
По капле солнца льёт горячий хмель
Мадчах-тура, Вегейя, Кордазель.
1995

* * *

И так пусто, что нет ничего,
И летит треугольником свет,
Не меняя того, чего нет,
Потому-то и нет ничего.

Это всё это вся или весь,
В эту самую всю пустоту,
Это здесь я паду, я паду
Или там или там или здесь.

Там горит жёлтый масла огонь,
И темнеют впотьмах шатуны.
И скажу я - ты шахматный конь,
Если вырежешь шахматы ты
1996